

А может, даже хуже, ведь Меч Чэнцянью брезговал проливать кровь праздных зевак — те отделялись лишь холодным потом. Но этим был явлен клинок, исполненный убийственной воли, в каждом его блике читалась смерть.

И потому их головы неизбежно должны были слететь с плеч.

Меч Чэнцянью был быстр. Что значит «быстр»?

Один удар, который стороннему наблюдателю казался единственным, на деле состоял из десятка взмахов, и каждый приходился точно в цель — в шею противника. Кровь брызгала на клинок, но тут же скатывалась, и меч оставался чистым, словно только что вынутый из ножен, сверкая, как вода.

Человек с синей головой разинул рот, глядя на этого убийцу в человеческом обличье. Только когда тот начал приближаться, беглец опомнился и попытался вскочить, чтобы бежать.

Но остриё Меча Чэнцянью уже коснулось его шеи, подцепив клочок одежды. Убийственная аура меча ещё не рассеялась, и в тот же миг лезвие оставило тонкую кровотокающую черту на его затылке.

— Не беги. Не скажешь, что так крепко прижимаешь к груди? — Ван Чэнцянью притянул к себе синеголового, сорвал с его головы платок, обнажив кудрявые жёлтые волосы.

Орлиный нос, жёлтые волосы, да ещё здесь, на самом краю.

— Ты не здешний, верно? Как умудрился нажить таких врагов? Что за сокровище прячешь?

Тот молчал, лишь сильнее вжимал в грудь свёрток.

— Немой? Ладно, давай угадаю. Раз ты так его оберегаешь, и за ним гонятся — значит, вещь не простая. Судя по тому, что творится в мире боевых искусств, у тебя случайно не Печать Счастья и Несчастья, которую все ищут?

Услышав «Печать Счастья и Несчастья», синеголовый резко сузил глаза, и в них мелькнул ужас. Глядя на его реакцию, Ван Чэнцянью подумал: «Не искал, а нашёл. Искали другие, а досталось мне».

Другие «износили железные башмаки», а он, Ван Чэнцянью, получил всё без усилий.

— Отдай Печать, и я оставлю тебе жизнь. — Синеголовый явно не хотел расставаться с добычей, но Меч Чэнцянью всё ещё лежал у него на шее, и выбора не было.

Дрожащими руками он достал Печать Счастья и Несчастья и протянул Ван Чэнцянью. Тот взял её, внимательно разглядывая.

Это была двусторонняя печать: на одном конце — иероглиф «Счастье», на другом — «Несчастье». Материал, из которого она была сделана, определить было трудно, да и никакой особой магии от неё не исходило.

Ван Чэнцянью сунул печать за пазуху, схватил притворявшегося немым синеголового, повалил на землю и скрутил верёвкой. Затем подошёл к телам убитых. Раздвинув одежду на плечах, он увидел клеймо, похожее на печать, — два иероглифа: «У-вэй» («Недеяние»).

Да, точно. Это были люди из Павильона Недеяния.

В Павильоне Недеяния хранился редчайший рецепт краски, которая, единожды попав на кожу, не смывалась. Павильон использовал её как тайную метку для своих учеников, нанося символ на тело. Так они предотвращали, чтобы кто-то посторонний выдавал себя за их последователя.

Такого больше не умел никто во всём мире рек и озёр.

Но Павильон Недеяния всегда дорожил своей репутацией. Как же они могли позволить ученикам так позорить своё имя? К тому же, ученики Павильона славились искусством лёгкого шага. Даже если их мастерство было невысоко, как они могли не уклониться от удара, который он нанёс, даже не выложившись до конца?

Улицы маленького Юйлиня были пустынно. Ветер гнал по ним пыль и сухие листья, которые стучали по наглухо закрытым дверям и ставням.

Ван Чэнцянцэ волок за собой иностранца в синем платке, шаг за шагом приближаясь к знакомой двери. С детства занимаясь боевыми искусствами, он обладал богатырской силой, и тащить человека для него было всё равно что нести свёрток. Тем более что его пленник, после дней скитаний и бегства, был худым, как жердинка. Когда Ван Чэнцянцэ тащил его по земле, за ними поднималось целое облако пыли.

Это была та самая лавка, из которой он недавно выпрыгнул. Хозяин, согнувшись в три погибели, подглядывал в щель между дверьми.

Грохнув пленника о притолоку, Ван Чэнцянцэ крикнул внутрь:

— Хозяин! Люди из Павильона Недеяния мертвы. Можете не бояться!

Хозяин вытянул шею, как утка на вертеле, будто пытаясь просунуть голову в щель. Услышав новость, он сначала остолбенел, глаза вылезли из орбит от неверия, а потом вдруг просиял. Выпрямившись, он принялся снимать засовы и отпирать дверь.

Дверь открывалась внутрь, и тело, брошенное Ван Чэнцянцем, бесформенной массой вкатилось внутрь. Синий платок свалился, обнажив неестественно яркие жёлтые волосы.

— Ой, мать честная! Да что ж это такое? — ахнул хозяин.

— Подобрал за городом, без сознания лежал, — коротко бросил Ван Чэнцянцэ, подхватывая тело и втаскивая его в лавку.

Хозяин засеменил следом, запинаясь. — Господин... это... мы таких... не принимаем...

Ван Чэнцянцэ ничего не ответил. Лишь лёгким движением запястья выдвинул из-за пояса на ладонь серебристый клинок. Хозяин замер на месте, словно вкопанный. Ван Чэнцянцэ, удовлетворённо кивнув, прошёл мимо прилавка и бросил на него серебряный слиток. Хозяин, увидев слиток, не мог оторвать глаз.

Целых тридцать лян! Маленькой городской семье хватило бы на год.

Откуда же взялся такой щедрый гость? Обычные постояльцы — местные жители — хоть и не бедствовали, но таких денег не платили. А уж странствующие мастера и вовсе были народом бедным, от них разило нищетой да пылью дорог, да ещё и драки затевали по любому поводу.

Что за барчук-неудачник пожаловал?

Теперь ему было уже не важно, иностранец перед ним или нет. Он был торговцем, и гость — всегда гость. А если кто-то не гость — значит, просто мало заплатил.

Пока он, зачарованно, гладил тридцать лян, Ван Чэнцянь взвалил бесчувственное тело на плечо и отнёс на второй этаж, в свою комнату.

Плеск! Церемониться с чужаками Ван Чэнцянь не привык. Чашка холодного чая в лицо — самое оно.

Желтоволосый иностранец медленно пришёл в себя. Открыв глаза, он замер в ужасе, и этот ужас лишь усилился, когда он увидел Ван Чэнцяня.

Этот человек одним ударом меча покончил с десятком преследователей, не проявив ни капли милосердия, а его самого оглушил одним шлепком. Что же ждёт его теперь?

— Как звать? Откуда будешь? — Ван Чэнцянь положил меч на стол поперёк и устроился напротив, словно следователь перед допросом.

Желтоволосый весь затрясся. Было видно, что говорить он не хочет, но угроза, исходившая от лежащего на столе клинка, была сильнее. — Меня... зовут Чжао Энь.

Он говорил с сильным, гортанным акцентом, слова звучали смазано. Но при этом он прекрасно понимал речь Центральных равнин, и Ван Чэнцянь уловил в его словах явный лоянский выговор, будто перед ним был коренной житель Лояна. Обычно иноземцы едва ли понимали местный язык, а уж такие книжные обороты, как «как звать», и подавно. Но этот не только понял, но и ответил, хоть имя и звучало странно.

— Как? Чжао Энь? Имя хорошее. Чего бубнишь? — Ван Чэнцянь развалился на стуле, будто полностью расслабившись, но даже этот Чжао Энь видел, что каждый мускул в его теле напряжён, готовый в любой миг сорваться с места и одним взмахом меча покончить с допрашиваемым. — Откуда ты?

— С Центральных равнин.

— Думаешь, я не знаю, что тебя оттуда гнали? Я спрашиваю: откуда ты родом? Где родился? И кому служишь?

Чжао Энь замолчал. И сколько Ван Чэнцянь ни давил, рот он больше не открывал.

Казалось, этот человек прошёл суровую школу, и когда дело касалось того, чего говорить нельзя, даже меч у горла не мог заставить его проронить слово.

Ван Чэнцяня так и подмывало прикончить его одним ударом, чтобы выпустить пар. Но он сдержался.

Потому что вопросы ещё оставались.

Ван Чэнцянь достал из-за пазухи печать, отобранную у пленника, и, взяв её за сторону с иероглифом «Счастье», повертел перед его носом. — Эту штуку где взял?

На этот раз Чжао Энь ответил. — В Лояне.

— Как она к тебе попала?

— Нашёл.

<http://bllate.org/book/16265/1463565>